

(Перевод: Ориана)

За тем, как Люй Сяоюй войдет в руины, еще нужно наблюдать и наблюдать. Люй Шу уже думал над этой проблемой. Если Люй Сяоюй войдет в руины, она будет там единственным ребенком. Даже если на ней будет звездный покров, это слишком заметно.

Телосложение детей и взрослых явно отличается. Если во всем лагере есть только один ребенок ростом 1,5 метра, и Люй Сяоюй попытается скрыться ото всех под звездным покровом, то это самообман...

Надо сказать, что в последнее время питание Люй Сяоюй стало лучше, и скорость ее физического развития стала больше. Хотя Люй Шу и раньше уделял большое внимание питанию, это совсем не то же самое, когда есть деньги или их нет. Раньше это было одно-два яйца в день, изредка немного мяса.

А что сейчас? Ли Сяньи кормил Люй Сяоюй, словно собственную внучку. Директор Фонда давал Люй Сяоюй поест все, что у него было, совсем ее избаловал.

Люй Шу видел, что денег на обед в размере 300 юаней в месяц определенно недостаточно. Сначала он хотел дать больше, но Ли Сяньи был против. Он сказал, что это обед для Люй Сяоюй, и к Люй Шу это не имеет никакого отношения, так что незачем платить.

Что касается ужина, Люй Шу также позаботился о том, чтобы в каждом приеме пищи было мясо.

Выйдя из палатки, Люй Сяоюй последовала за Люй Шу к полевой кухне, взяла тарелку и послушно встала позади Люй Шу. Когда подошла ее очередь брать еду, шеф-повар в команде поваров удивился: «В лагере есть такая красивая девочка? Что ты хочешь съесть, малышка? Ты заслуживаешь особого обращения!»

Люй Сяоюй протянула тарелку вперед: «Тушеной говяжьей грудинки в соевом соусе! Только говяжьей грудинки!»

Пфф, Люй Шу рассмеялся. Когда он обернулся и увидел, что Цзян Шуйи собрал свои вещи и вышел, а за ним шли Чэнь Цзуань и Гао Шэньинь.

В это время лагерь был еще пуст, учеников класса Даоюань из города Сицзин в лагере было всего около тысячи человек, а остальные ученики класса Даоюань из провинции Цинчжоу еще не прибыли.

Люй Шу тихо спросил у уже подошедшего Цзян Шуйи: «Почему мне кажется, что лагерь находится очень далеко в глубине? Неужели нет опасений, что случится то же, что и в прошлый раз? Что, если всех снова втянет?»

«Втянет... Значит втянет, – Цзян Шуйи удивленно посмотрел на Люй Шу, – теперь они все военнослужащие, и даже если их не втянет, им все равно нужно войти».

У Люй Шу вдруг появилось ощущение, что да, теперь личность учеников класса Даоюань изменилась, они стали военнослужащими, получают зарплату и несут ответственность.

Вероятно, Небесная и Земная сети давно хотели обучать солдат, а с тепличными цветами далеко не уедешь.

Сейчас мирное время, и так как нет возможности тренировать солдат где-то во внешнем мире, давайте тренироваться в руинах. Люй Шу чувствовал, что Небесная и Земная сети теперь действительно безжалостны, но, подумав еще раз, он решил, что так и должно быть.

Буквально позавчера в Центральной Африке разразилась катастрофа, вызванная пробужденными, и диктатор за высокую цену нанял пробужденных для участия в войне.

Поскольку Европа и Соединенные Штаты рано превратили пробужденных в коммерческую модель, кто-то, наконец, использовал пробужденных в качестве топора, чтобы ударить обычных людей. А затем некоторые пробужденные, которые были активны в коммерческой сфере, начали исчезать из поля зрения один за другим. Осталось лишь несколько человек, которые продолжают блистать на коммерческой сцене.

Что касается местонахождения тех пробужденных, которые постепенно скрылись из виду, никто не знает, куда они делись.

Люй Шу учуял в этом намек на опасность. Кто-то однажды сказал, что войны происходят ради мира, но Люй Шу так не думал. Если это действительно было ради мира, то как объяснить, что самая первая война началась в мирное время.

Он считал, что война – это продолжение политики, и только чьи-то интересы являются корнем войны. В это время, какие бы красивые слова ни использовались для описания войны, они не могут скрыть окутывающий ее кровавый ореол.

Война убивает людей.

В прошлый раз все просто садились на корточки, чтобы поесть, но на этот раз здесь было больше десятка складных обеденных столов, а другие ученики уже давно закончили есть, поэтому они были единственными, кто остался есть в одиночестве.

Изначально Люй Шу думал, что Люй Сяюй много ест, но Люй Шу обнаружил, что она еще не съела и одной порции, а Чэнь Цзуань уже съел три и собирался встать еще за четвертой порцией.

Люй Шу сказал со сложным выражением лица: «Чэнь Цзуань, ты знаешь, что студенты в наше время всегда сыты и им нечем заняться, они хотят влюбляться или что-то в этом роде...»

Чэнь Цзуань на мгновение растерялся. Как романтические отношения связаны с сытостью и бездельем? Но прежде чем он обдумал это, Люй Шу добавил: «А ты потрясающий...»

«Я потрясающий?» – Чэнь Цзуань на мгновение замер, совершенно не понимая хода мыслей Люй Шу.

«Другие бездельничают, потому что сыты, и влюбляются от нечего делать, а ты просто не можешь наесться досыта...»

«Очки негативных эмоций от Чэнь Цзуаня, +233!»

«Дело не в том, что я не наелся... – с горечью объяснил Чэнь Цзуань, – потом ты поймешь».

Сказав это, он отправился за следующей порцией. Люй Шу тоже на мгновение растерялся. Из того, что имел в виду Чэнь Цзуань, возможно, он пробудил какие-то особые способности,

связанные с едой?

Затем он повернулся и увидел, что Люй Сяоюй и Сяо Сюнсю вместе бросают восхищенные взгляды на Чэнь Цзуаня... Они действительно восхищались теми людьми, которые не могут наесться досыта. Люй Сяоюй чувствовала, что он может опустошить все армейские запасы...

И Гао Шэньинь изначально планировал взять добавку, ведь в их возрасте нет ничего страшного в том, чтобы съесть одну-две порции, не говоря уже о таком сумасшедшем физкультурнике, как Гао Шэньинь?

Обычные практикующие Небесной и Земной сетей добавляют 900 цзиней силы, когда находятся на уровне F. В результате Гао Шэньинь и другие обнаружили, что, если они добавляют свои собственные упражнения, все еще есть возможность для улучшения этого верхнего предела. Независимо от того, даже если увеличение составит всего десять или двадцать цзиней, если есть возможность сделать больше, они готовы это сделать.

В итоге Гао Шэньинь, который собирался поесть еще, внезапно остановился, услышав слова Люй Шу... Он долго раздумывал, стоит ли ему продолжать есть...

«Иди, иди, не скромничай», – весело улыбнулся Люй Шу Гао Шэньиню.

Цзян Шуйи воспользовался моментом, когда Чэнь Цзуань и Гао Шэньинь ушли, и с любопытством спросил: «Ты смотрел на запыстья и шеи этих двух людей, ты все еще хочешь подзаработать, как раньше на руинах?»

«Естественно. Вы не нуждаетесь в деньгах, вам не нужно думать о таких вещах, но я другой, я должен содержать свою семью», – весело рассмеялся Люй Шу, ничуть не смутившись, жизнь есть жизнь, бессмысленно строить из себя важную персону.

Если когда-нибудь его пригласят на ужин, где еда стоит десятки тысяч юаней и угостят бутылкой вина за десять тысяч юаней, как он сможет сделать ответное приглашение?

Зачем ради показухи загонять свою жизнь в такую неловкую ситуацию?

«Люди, у которых нет денег, когда им грустно, могут только сидеть на обочине дороги, съев кусочек шашлыка и выпив глоток пива, а потом рыдать, – с улыбкой сказал Люй Шу, – и все по-другому, когда есть деньги, можно рыдать в горячем источнике, можно рыдать в Цзючжайгоу, можно рыдать на борту самолета, можно рыдать на яхте, можно рыдать, где захочешь...»

(п.п. – Цзючжайгоу – букв. долина девяти сёл, заповедник на северо-востоке пров. Сычуань)